

ВЕСТНИК 4

АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1931 года

Москва 1976

О НЕКОТОРЫХ НЕОТЛОЖНЫХ ЗАДАЧАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Академик
Д. С. ЛИХАЧЕВ

Успехи советской филологической науки общеизвестны. Особенно наглядно они представлены в создании крупных фундаментальных работ — таких, как многотомные истории русской литературы, советской литературы, готовящаяся к изданию История всемирной литературы, пронизанная единой концепцией. Укажу также на грандиозный план изданий серии «Литературные памятники», пользующейся мировым признанием (в создании этого плана значительная заслуга принадлежит покойному академику Н. И. Конраду), на завершающееся пятитомное издание «Ранней русской драматургии», тщательно выполненное по рукописям и коренным образом изменившее наши представления о начале русского театра. Даже простой перечень блестящих и крупнейших работ наших литературоведческих институтов — Института мировой литературы им. А. М. Горького и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — занял бы несколько страниц.

Я начал с достижений нашего литературоведения, так как эта область мне ближе, но с не меньшим основанием и убедительностью можно было бы показать (хотя бы в простом перечислении) выдающиеся успехи нашего языкоznания, о которых и мечтать не могла старая Академия наук, хотя в ее составе было в два, если не в три раза больше академиков-филологов, чем сейчас.

Однако как ни велики достижения в создании обобщающих общетеоретических литературоведческих трудов и публикации литературных текстов, в состоянии нашей филологической науки наблюдаются некоторые тревожные явления. К ним я отношу неравномерность развития отдельных филологических дисциплин. Движение науки вперед должно, по моему глубокому убеждению, совершаться по всему ее фронту, так как наука едина и отставание отдельных участков неизбежно рано или поздно отрицательно скажется на тех разделах науки, которые развиваются быстрее других, но не имеют обеспеченных тылов.

Коллективы институтов Отделения литературы и языка Академии заняты сейчас сложными и важными проблемами, и это, конечно, очень отрадно. Но уровень культуры научного труда в значительной мере определяется состоянием специальных дисциплин. Без этого фундамента, без этих, я бы сказал, базовых дисциплин невозможно, в частности, и сохра-

нение нашего культурного наследия, введение его в строй современной культуры. Я имею в виду такие дисциплины, как источниковедение, текстология, палеография, стиховедение. Первые три из них требуют внимания не только Отделения литературы и языка, но и Отделения истории, и именно поэтому я решаюсь вести этот разговор не в специальных печатных органах Отделения литературы и языка, а именно в «Вестнике Академии наук СССР». Все три данные дисциплины сейчас в некотором застое и требуют внимания Академии и вынесения специальных решений. В этой связи я и собираюсь сейчас высказать некоторые предложения.

□

Начну с палеографии. Смею утверждать, что развитие этой науки остановилось на уровне начала века. Вышедший недавно первый сборник «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР»¹ при всех его достоинствах только подтверждает это положение.

Сборник открывается разделом «Славяно-русская палеография». Здесь помещены интереснейшие материалы, однако авторы раздела говорят не только о том, что уже сделано, сколько о том, что надо сделать в данной науке. К моему большому сожалению, наша научная пресса уделила незаслуженно мало внимания этому сборнику.

В палеографию традиционно входит филиграноведение — наука, изучающая водяные знаки на бумаге. Мое заключение об отставании палеографии не относится к филиграноведению. Выдающиеся успехи как советского, так и мирового филиграноведения последних лет (отмечу, например, выдающиеся труды в этой области югославского ученого В. Мошина) не вызывают сомнений. Советское филиграноведение находится на правильном пути, и можно быть уверенным, что все будущие находки новых филиграней уточнят, но не изменят ту общую картину датировки филиграней, которая сложилась к нашему времени.

На фоне таких успехов особенно заметно отставание в изучении истории кириллических почерков². Датировка рукописей по почерку никогда не сможет стать столь же убедительной и точной, как датировка по филиграмам, однако почерк, с одной стороны, подтверждает или уточняет данные филиграней, а с другой,— сообщает о рукописи такие сведения, которые филиграны дать не могут: национальный извод, принадлежность к той или иной школе письма, к тому или иному скрипторию, и, наконец, просто указывает на того или иного писца. Определить писца периода средневековья по почерку трудно, но в принципе возможно, поскольку данные почерков более разнообразны, чем данные филиграней.

Между тем, еще далеко не ясны как основные понятия истории почерков — «устав», «полуустав», «скоропись», так и границы между ними. Во многом неразгаданными остаются почерки, определяемые палеографами как «каллиграфический полуустав» или «полуустав, переходящий в скоропись». Некоторые исследователи по-разному употребляют эти тер-

¹ «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974, стр. 442.

² Историю почерков следует все же выделять в палеографии, вопреки сложившейся традиции, отделить ее от филиграноведения и истории рукописного декора. Впервые выделить историю письма из палеографии предложила О. А. Добиаш-Рождественская в своей книге «История письма в средние века» (Пг., 1922; изд. 2-е, М.—Л., 1936). На этой же точке зрения стоит Петар Ђорђић («Историја српске кирилице. Палеографско-филолошки прилози». Београд, 1971). Однако понятие «письмо» включает в себя и такие элементы, как орфография и пр., изучать которые в основном дело лингвистов. Поэтому я предлагаю выделять как особую дисциплину в палеографии на равных правах с филиграноведением именно историю почерков, а не историю письма в целом.

мины, а некоторые вовсе их избегают. По-видимому, понятия «устав», «полуустав», «скоропись» вообще не применимы в ряде разделов так называемой «вещевой палеографии», — в частности, при изучении письма на бересте.

Отставание в области исследования почерков имеет несколько причин. Первая состоит в том, что на почерк оказывают влияние многие самые разные обстоятельства, и почерки поэтому очень неустойчивы. Так, например, на почерке оказывается тот материал, на котором пишут: бумага это или береста, камень или металл. Вторая причина состоит в трудности выделения в почерке тех или иных «примет» и «признаков» времени и местности, где создавалась рукопись. Делается это по большей части «на глазок», крайне субъективно, без достаточной аргументации.

Попытки датировать рукописи по почерку с точностью до четверти века, а в отдельных случаях с точностью до десятилетия, следует признать фантастичными и несостоительными. Писец работает иногда более полувека, и за это время его почерк (в датирующих особенностях) не меняется. Кроме того, могут иметь место случаи «провинциального» отставания почерка. В глухих уголках России, например, в XVIII веке писали почерками XVII века, в то время как образованные люди уже перешли к французской скорописи, схожей со скорописью XIX века. Известны ошибки в датировании рукописи по почерку до полутора столетий.

Мне представляется, что выход из создавшегося в изучении истории письма положения может быть только один: необходимо заимствовать некоторые методические приемы из более передовых разделов филиграноведения, в частности, учитывать опыт составления альбомов филиграней. Нужно также, чтобы палеографы объединили свои усилия по составлению обширных фототек снимков с тех рукописей, которые имеют точные даты и точные указания на место своего написания.

Было бы желательно, чтобы в каждой из стран кириллического письма составлялись по крайней мере две основных фототеки: фототека почерков датированных рукописей и фототека почерков тех рукописей, которые имеют точные указания на место своего написания. Фотографии с рукописей, писанных тем или иным определенным лицом, могут составить подразделы в этих двух основных фототеках.

Фотографии, включаемые в фототеки могут быть цветными или черно-белыми, на глянцевой или на матовой бумаге и пр., но одно непреложно: снимки с рукописей следует делать в натуральную величину рукописи и воспроизводить всю страницу целиком. Уменьшение или увеличение размеров рукописи, а также снимки с части страницы — недопустимы. Размеры букв, строк, полей, построение страницы — все это имеет существенное значение для определения времени и места написания рукописи, а также писца.

Элементы декора (заставки, инициалы, концовки, украшения на полях, миниатюры), хотя и не относятся прямо к почерку рукописи, тем не менее с почерком связаны, соотносятся с ним и входят в построение страницы и рукописи в целом. Поэтому их также нужно фотографировать и учитывать в выводах, хотя по моему убеждению, изучение декора рукописей в целом — дело искусствоведов, а не «рукописников» и палеографов, суждения которых о стиле заставок, инициалов и миниатюр часто страдают грубым дилетантизмом. Искусствоведам же следует указать, что практикующиеся сейчас ими изучение миниатюр и заставок в отрыве от всего построения страницы и разворота рукописи, недопустимы. Декор — только часть художественного построения рукописи и органически связан с текстом.

Историю почерка в каждой из восточно- и южнославянских стран нельзя изолировать национальными границами. Все страны кириллического письма были между собой в тесном письменном общении. Писцы переезжали из страны в страну, а главное — из страны в страну перевозились рукописи. Были рукописи смешанного происхождения (болгаро-русские, сербо-русские; болгарские рукописи, списанные с русских, русские — с сербских и пр.). Сербские писцы иногда работали в России, русские — в Болгарии и пр. Почерки влияли друг на друга и при всех национальных различиях развивались как единое целое. Это обязывает исследователей при изучении каждого из национальных почерков учитывать всевозможные перекрещивающиеся влияния.

Таким образом, история кириллических почерков должна быть общим делом славистов всех стран, где кириллица была когда-то распространена. При этом фототеки датированных и точно локализованных почерков в каждой из этих стран надо строить на единых принципах и, по возможности, в одинаковом техническом оформлении. Выработка этих принципов, как мне представляется, должно быть посвящено особое заседание на ближайшем международном съезде славистов, который соберется в Загребе в 1978 г. Однако в целях принятия наиболее продуманных решений необходимо еще до съезда обменяться мнениями и проконсультироваться с фотографами и архивистами. Крайне важно установить, хотя бы приблизительно, каким количеством датированных и точно локализованных рукописей обладает каждая страна.

Традиционно вопросами палеографии всегда занимались лингвисты. Выдающиеся труды по палеографии в старой русской Академии наук были созданы именно лингвистами — академиками А. И. Соболевским, И. И. Срезневским и Е. Ф. Карским, профессором В. М. Щепкиным и др., и это вполне закономерно. Сектору источниковедения Института русского языка АН СССР пора подумать о создании группы палеографов, оснастив их современной техникой.

□

Перехожу к филиграноведению, об успехах которого я уже упомянул выше. Несмотря на огромные достижения в этой области, в ней есть одно чрезвычайно существенное практическое упущение, восполнить которое можно лишь общими усилиями соответствующих научных учреждений. Отдельному ученому сделать это невозможно.

Дело заключается в следующем. В полных научных описаниях древнеславянских бумажных рукописей самым важным датирующим элементом служит указание на филигрань, т. е. на ее соответствие той или иной филиграни, имеющейся в одном из существующих альбомов датированных филиграней. И делается это обычно так: дается условное обозначение альбома, затем следует номер филиграни и сведения о том, к какому времени она отнесена составителем альбома. Однако подобного рода справка бывает крайне неточна, потому что в описаниях никогда не указывается очень существенная сторона вопроса: какие альбомы филиграней были в распоряжении у составителя научного описания рукописей. Всегда возможно сомнение: а нет ли более точных указаний на время филиграни в каких-либо других альбомах, недоступных составителю научного описания. Дело в том, что различных альбомов филиграней очень много, как много и исследований по отдельным группам филиграней или даже по одной филиграни. Нет ни одного книгохранилища в мире, которое обладало бы полным, доступным для составителя научного описа-

ния рукописей, собранием всех материалов по филиграням, так как в большинстве случаев альбомы филиграней крайне редки и чрезвычайно дороги. Выборочный просмотр только некоторых альбомов, да еще без указаний того, какие именно альбомы просмотрены исследователем, в значительной степени обесценивает этот важнейший элемент научного описания рукописей. А между тем при использовании современной техники вопрос может быть разрешен чрезвычайно просто. Американский ученый Даниэль Уо на одной из конференций Археографической комиссии АН СССР в Москве предложил создать с помощью копирующих устройств сводный альбом всех имеющихся воспроизведений датированных филиграней. Этот альбом, который при всех своих огромных размерах будет стоить не так уж дорого, может быть создан всего лишь примерно в 20 экземплярах и раздан во все крупнейшие хранилища рукописей СССР (в Москве — это Исторический музей, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Центральный государственный архив древних актов, в Ленинграде — Библиотека АН СССР, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Древлехранилище имени В. И. Малышева Института русской литературы АН СССР; по одному экземпляру этот сводный альбом должны иметь также научные библиотеки Новосибирска, Киева, Пскова, Тбилиси, Еревана и некоторых других городов, где имеются древнеславянские рукописи). С помощью такого альбома будут сняты «вечные» сомнения в том, что составитель описания просмотрел не все альбомы. При наличии сводного альбома филиграней можно будет с уверенностью сказать: просмотрены все альбомы по такой-то год (год выпуска альбома в свет).

От отдельных частных вопросов научного описания древнеславянских рукописей, с моей точки зрения очень важных, перейду к одному общему вопросу, имеющему чрезвычайное значение в связи с теми возможностями, которые открывает перед нами электронная техника.

□

Как известно, большие собрания древнеславянских рукописей (в том числе древнеболгарских, древнесербских и древнерумынских, которых в наших собраниях значительно больше, чем в странах, где они были созданы) научно совсем не описаны, либо описаны еще в XIX веке, и описания эти, естественно, устарели. Сейчас в наших основных хранилищах рукописей ведется большая работа по их научному описанию (слабо идет только подготовка научных кадров археографов, способных к этой работе, требующей больших знаний и многолетнего опыта). Мне уже неоднократно приходилось выступать в печати по поводу возникающих при этом разных неотложных вопросов, требующих срочного разрешения. Не буду повторять того, что я уже писал. Остановлюсь лишь на новом вопросе, от экстренного решения которого зависит, чтобы вся огромная работа по описанию древнеславянских рукописей, ведущаяся в СССР, Болгарии, Югославии, Румынии и отчасти в других странах (например, Англии, США, Чехословакии, Швеции, также обладающих собраниями древнеславянских рукописей) не оказалась проделанной впустую.

Уже сейчас стало возможным использовать для таких научных описаний электронные запоминающие устройства. Преимущества электроники неоспоримы. Электронное запоминающее устройство сэкономит нам не только бумагу, идущую на печатание объемистых описаний, но и время. Машина в кратчайший срок выдаст ученыму необходимую справку, на составление которой без ее помощи требуются месяцы или даже годы

упорного труда. Она сможет сразу «сообщить» сведения о всех рукописных книгах, заключающих в себе то или иное произведение, о всех рукописях того или иного периода, о всех рукописях, имеющих ту или иную филигрань, переписанных тем или иным писцом, тем или иным почерком и т. д. О том, насколько это важно, я могу сказать следующее: в современной текстологической работе только тот вывод имеет научное значение, который основан на изучении всех известных рукописных вариантов текста, число которых иногда достигает нескольких сотен. Только тот вывод о значении той или иной филиграны, того или иного почерка достоверен, который вытекает из всех имеющихся о них данных, и только полнота данных позволяет палеографу или текстологу уверенно делать свои выводы. С помощью электронного запоминающего устройства можно совершить в филологии радикальный скачок вперед и в сотни, если не в тысячи, раз сэкономить время ученых-филологов и историков-источниковедов. Однако применение машин здесь станет возможным лишь в том случае, если уже сейчас вести научные описания рукописей по единой для всех хранилищ системе, в какой бы стране эти хранилища ни находились.

Отсюда ясно, что создание единой системы научных описаний рукописей — самая неотложная задача. Сейчас в книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Софии, Белграда и т. д. научные описания ведутся несогласованно, по разным системам, и поэтому в недалеком будущем они могут оказаться полностью устаревшими³. Совершенно очевидно, что забота о создании единой системы научных описаний древнеславянских рукописей должна стать заботой в первую очередь двух отделений Академии наук СССР: Отделения литературы и языка и Отделения истории, а также Международного комитета славистов.

□

Далее. Я не случайно ставлю вопросы о развитии исследований специальных дисциплин в такой последовательности — палеография, филиграноведение, научные описания древнеславянских рукописей: каждая из них служит как бы ступенью к следующей. Но все эти специальные дисциплины венчает текстология. Она служит базой и исторического источниковедения и подлинно научного литературоведения. Только при высоком уровне текстологических исследований возможно сохранение наших словесных национальных богатств от «эрозии», которая естественно наступает, когда наши классики многократно переиздаются без компетентного текстологического контроля и когда постоянно открываются новые рукописные данные не учитываются или плохо учитываются в изданиях литературных произведений или исторических документов.

Русская и советская текстология, основы которой заложены (для произведений нового времени) Б. В. Томашевским и (для произведений средневековья) академиком А. А. Шахматовым, занимала и занимает, бесспорно, первое место в мире. Это признается текстологами всех стран, и отнюдь не случайно, что даже самый термин «текстология», предложенный пятьдесят лет назад Б. В. Томашевским, вытесняет сейчас повсюду старый термин «критика текста», существовавший со времен эпохи Возрождения⁴.

³ О других вопросах научных описаний рукописей см.: Д. С. Лихачев. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. «Археографический ежегодник за 1972 г.». М., 1974, стр. 234—242.

⁴ Отмечу, в частности, что лучшее польское пособие по критике текста польского академика К. Гурского «Искусство издания текста» переиздано в 1975 г. с названием «Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich» (Warszawa, 1975).

Текстология, основанная не на вкусовых данных, а на строгом изучении истории текста, безусловно сменяет сейчас механистическую критику текста. Между тем мы можем потерять наш приоритет в этой области, если будем пренебрегать необходимостью совершенствования наших принципов и наших методических приемов изучения истории текста по многим рукописям.

Укажу на следующий прискорбный факт. В течение многих лет Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР издавал экспериментальную серию монографических, на основе самых последних достижений советской текстологии, исследований памятников древнерусской литературы. Вышло около 30 книг. От издания к изданию мы, медиевисты, совершенствовали свои принципы. Серия была признана выдающимся достижением советской текстологии и изучения древней русской литературы. В странах Западной Европы появились издания, пытавшиеся использовать наш опыт. Но вот уже в течение десяти лет из издательских планов Института русской литературы АН СССР систематически снимаются выпуски этой серии как «мало актуальные». Но ведь актуальность определяется не названием (к сожалению, мы вынуждены в заглавие книг этой серии ставить название того памятника древнерусской литературы, который служит предметом исследования и объектом издания), а тем значением, которое имеет данная книга для развития науки.

Мое предложение сводится к тому, чтобы возобновила свою деятельность группа по теоретической текстологии, работавшая ранее в Институте мировой литературы АН СССР под руководством В. С. Нечаевой. У нас есть ряд молодых, но опытных уже текстологов, которые могли бы возглавить эту группу и продолжить выпуск сборников «Вопросы текстологии». Назову, к примеру, А. Л. Гришунина, Л. Д. Опульскую или Э. Л. Ефременко. Опыт, приобретаемый при издании сочинений Достоевского, Горького, Чехова и других наших классиков, должен накапливаться, обобщаться и использоваться. Необходимо накапливать опыт исследований и по древнерусской текстологии — в Институте русского языка (сектор лингвистического источниковедения) или Институте русской литературы (сектор древнерусской литературы). Во всяком случае следует возобновить выпуск сборников по теории текстологии, в которых должны быть разделы по теории текстологии древнерусских памятников, и выдающейся экспериментальной серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. Вероятно, следовало бы также возобновить работу Текстологической комиссии при Советском комитете славистов. Отмечу, что текстология, являясь составной частью исторического источниковедения, важна не только для филологов, но и для историков. Поэтому крайне желательно шире привлекать историков к работе будущей Текстологической комиссии при Советском комитете славистов.

Наконец, последняя из специальных дисциплин, на нуждах которой я хочу остановиться, — стиховедение. И опять-таки я начну с того, что и стиховедение было и остается гордостью русской и советской филологической науки. Более года назад в воскресном литературном приложении к лондонской газете «Таймс» (*The Times Literary Supplement*, 8.11.74, стр. 1266) появилась восторженная рецензия (и при этом очень большая по размерам) на действительно превосходную книгу выдающегося советского стиховеда М. Л. Гаспарова «Современный русских стих» (М., 1974,

490 стр.). В этой статье (ее нельзя назвать просто рецензией) говорилось не только о самой книге М. Л. Гаспарова, но и о «русской школе» в области изучения стиха как о ведущей в мире. Напомню также о том глубоком интересе, который существует среди английских литературоведов к интереснейшим исследованиям М. Г. Тарлинской по структуре и эволюции английского стиха.

Между тем в наших литературоведческих институтах стиховедение не только не изучается, но даже в двухтомной «Истории русской поэзии» (М., 1968—1969) отсутствует история стиха: получилось нечто вроде истории общественной мысли на стихотворном материале!

Актуальные задачи, стоящие перед стиховедением, могут быть решены только коллективными усилиями и с помощью современной техники, в частности вычислительных и запоминающих устройств, так как исследования стиха требуют привлечения огромного материала и сложнейших подсчетов.

Нам нужен метрический справочник к стихам русских поэтов от Жуковского и, по крайней мере, до Блока и Маяковского (Б. И. Ярхо сделал в свое время метрический справочник по Пушкину, но, к сожалению, далеко не совершенный)⁵. Такие справочники подготовлены в ряде вузов страны под руководством Л. И. Тимофеева, и их следует как можно скорее издавать. Первый том уже готов, но лежит без движения.

Необходим также ритмический справочник к стихам русских поэтов. Материалы, вошедшие в «Трактат» Г. Шенгели (1923 г.) устарели, а данные, которые приводят в своих работах Б. В. Томашевский и американский ученый К. Тарановский, слишком суммарны.

Настало время составить строфический справочник по русской поэзии. К. Д. Вишневский (Пенза) в своей докторской диссертации собрал статистические сведения о строфическом репертуаре 75 русских поэтов (от Ломоносова до Фета), но работа до сих пор не издана.

В Ленинградском университете под руководством В. Е. Холшевникова создается словарь рифм крупнейших поэтов — Пушкина и его предшественников, который поможет в работе по изучению истории русской рифмы. Но снова возникает вопрос: найдет ли этот словарь своего издателя?

Следует возобновить исследования по истории русского стихотворства, которое имело несколько источников: фольклорный, греческий и польский. Изучение истории здесь не может ограничиться только хорошей, но небольшой книгой А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII века» (Л., 1973).

Чрезвычайно важны и исследования таких проблем, как стих и синтаксис, стих и семантика, стих и стилистика, сравнительная метрика (сравнительное изучение русского и германского, русского и романского стихосложения). В этой связи особую значимость приобретает проблема подготовки кадров в литературоведческих институтах нашей Академии, в частности через аспирантуру.

Изучение истории стиха необходимо, во-первых, для создания полноценной истории русского стиха и, во-вторых, в чисто практических целях: высокая культура русского стиха должна найти свое проявление и в произведениях советских поэтов.

Надо расширить публикацию работ по стиховедению в журналах «Вопросы языкоznания», «Русская литература», «Вопросы литературы», продолжить публикацию сборников «Теория стиха» (пока дело ограничилось только первым выпуском — Л., 1968), увеличить группу стихо-

⁵ Б. И. Ярхो. Метрический справочник к стихотворениям Пушкина. М.—Л., 1934.

ведения в Институте мировой литературы АН СССР и создать такую же штатную группу в Институте русской литературы АН СССР (ныне она существует на общественных началах). Желательно собрать воедино молодых ленинградских специалистов по теории стиха, которые работают сейчас не по специальности и занимаются стиховедением только урывками, во внеурочное время.

Наконец, самым кратким образом подчеркну необходимость неослабного внимания к сбору у населения древнерусских рукописных и старопечатных книг, документов, писем. Этим успешно занимаются экспедиции археографов. Но, к сожалению, эта государственного значения работа подрывается действиями спекулянтов, что дискредитирует деятельность специалистов-археографов.

Археографическая комиссия Академии наук СССР, возглавляемая таким энергичным и эрудированным археографом, как С. О. Шмидт, предпринимает ежегодно героические усилия по сбору рукописей. То же следует сказать о коллективе археографов, работающих под руководством В. И. Малышева. Не вызывает сомнения, что археографам нужна помощь, и прежде всего в отношении оснащения техническими средствами исследований и подготовки кадров.

□

Существует представление, что литературоведение и история — «неточные науки». Надо сказать, что они действительно недостаточно точны, если не опираются на специальные дисциплины, развитие которых должно стать объектом особых забот Отделения литературы и языка и Отделения истории АН СССР, ибо успех исследований в данной области в настоящее время зависит от их обеспеченности современной техникой и хорошей организации деятельности коллективов ученых-специалистов.

УДК 800